

ЛУЧШАЯ ПАРА

РУССКОГО АВАНГАРДА

Независимая
галерея. 1999. —
— 12 окт. — с. 7

Выставка «Михаил Ларионов — Наталия Гончарова. Шедевры из парижского наследия. Живопись» стала сенсацией еще до своего начала. Потому что многих работ, которые показаны сегодня в Третьяковке, десятки лет не видели даже специалисты. И эта выставка представляет пока что лишь часть той коллекции, которая принадлежала некогда самим художникам и была подарена Советскому Союзу Александрой Ларионовой-Томилиной, второй женой Михаила Ларионова. Среди 120 экспонированных картин есть как те, что были созданы в России до 1915 года, так и те, что художники написали уже в эмиграции, в Париже. Музей творчества Гончаровой и Ларионова был учрежден в 1989 году как отдел Третьяковской галереи: его сотрудники описывают и изучают огромный архив, библиотеку и художественное собрание, поступившие по заве-

щанию А.К. Ларионовой-Томилиной. Продолжением нынешней экспозиции станет выставка графики Гончаровой и Ларионова из того же собрания.

Компания Бритиш Американ Тобакко (БАТ) уже три года помогает Третьяковской галерее. В 1997 году БАТ спонсировала выставку британской россики в галерее. В 1998 году БАТ приобрела для галереи две картины: Владимира Маковского и Василия Сурикова. В этом году БАТ стала генеральным спонсором выставки шедевров Ларионова и Гончаровой, а на вернисаже управляющий директор компании Ульрих Хертер заявил: «Наша компания приняла решение выделить несколько сотен тысяч долларов в течение ближайших трех лет на ремонт помещений галереи, модернизацию технического оборудования и организацию выставок».

Михаил Сидлин

КЕМ БЫЛА жена Малевича? А был ли вообще Малевич женат? Вопросы маловажные для истории искусства. А вот можно ли «Павлинов» Гончаровой понять вне «Павлинов» Ларионова? И Ларионов, и Гончарова создали несколько картин, изображавших этих диких птиц (две выставлены ныне в Третьяковской галерее). Творческий потенциал совместной работы в искусстве наиболее явный в трудах этого тандема. Гончарову от Ларионова не оторвать, и наоборот. Муж и жена — один авангард.

Гончарова и Ларионов — пара № 1 российского авангарда. Гуро и Матюшин, Древин и Удальцова, Родченко и Степанова — среди российских первопроходцев начала века было немало супружеских пар. И самая слитная среди них — Гончарова — Ларионов. Этому уделяют внимание историки — как важной детали, не более. Искусствоведы предпочитают писать о них раздельно. Между тем эпоха российского авангарда — единственная в истории искусств, которая представляет такое значимое число супругов, работавших в одном направлении. Это заставляет подозревать, что супружеское и творческое в ту пору каким-то особым образом сливались. А «парность» была особым явлением.

Ларионов и Гончарова или Гончарова и Ларионов? Вопрос не праздный. Первая совместная персональная экспозиция художников проходила в Париже в 1914 году. Она звалась «Выставкой Наталии Гончаровой и Михаила Ларионова». И с тех самых пор в большинстве случаев поминали художников именно в таком, алфавитном порядке. Вплоть до последней большой экспозиции «Гончаровой и Ларионова» в Центре Помпиду в 1995 году. «Михаил Ларионов — Наталия Гончарова» — выставка, которая открыта ныне в Третьяковской галерее. Ее название явно выпадает из традиции, следуя штампам русского патриархата. Но работ Гончаровой на выставке ровно в два раза больше, чем работ Ларионова.

Наталия Гончарова и Михаил Ларионов родились в один год — 1881-й, с разрывом в месяц. «Первое художественное впечатление — бабушка Ольга Львовна сделала из хлебного мякиша черного хлеба человеческую фигурку. Ее выбросили при уборке со стола, или, как мне сказали, ее съела кошка? Потомки слез пролила я по поводу этого утерянного произведения, поразившего мой детский ум», — писала Наталия Гончарова. Первое художественное впечатление Михаила Ларионова — «рубашечка»: «рубашечку с вишенками, вышитыми бабушкой Теничкой, втянуло в ярко топившуюся голландскую печь и весь перед был сожжен. Я был очень огорчен, но знал, что к огню

так близко подходить нельзя». Не из горечи ли этих первых утрат вырос русский авангард? Не из любви ли к бабушкиным «фигуркам» и «рубашечкам», бабушкиной «подушечке» (Ларионов) и сатиновому одеялу, стеганому по бабушкиному рисунку (Гончарова)? На склоне лет Ларионов вспоминал свое раннее детство: «Вот мысль, вернее, задача, которую странно я себе поставил в семь лет: «Не забыть взрослым человеческих ощущений детства». Я видел разницу чувств взрослых и детей, отсюда возникла эта мысль. Но, к сожалению, мои чувства не изменились, и я не вижу разницы между прошлым и настоящим в моей личной жизни. Я не потерял связи с детьми, но с взрослыми я ее не могу никак наладить».

«Ларионов вместе с Хлебниковым открыл двери века; оба — первые удачи нового искусства. Манифестом Ларионова (напечатан в «Ослином хвосте»), позже «Грубый марсиан» Хлебникова впервые набросано лицо нашего времени, такое, каким оно должно быть» (Николай Пунин. Первые футуристические бои). Ларионов и Хлебников выросли из народной русской стихии. Один увидел заново вывески лавочников, другой — гущу славянских наречий. Оба шли к правде. Оба открыли двери к архиву, к «бабушкиному». И в этом их авангард коренным образом отличался от итальянского футуризма. В этом — причина расхождения с Маринетти, который в 1914 году не признал в российских футуристах своих детей; Ларионов ответил тем же — не опознал в Маринетти отца. И здесь Ларионов разошелся с другими футурологами. Он явно предпочел «музыке будущего» мелодии прошлого. Его «новое» было устремлено назад, в детство русской живописной культуры.

Кубизм начался с черных фигурок. Французские художники полюбили идолов, привезенных солдатами из африканских походов. «Пружинный зад и плеч игра/ В разгаре негритянских оргий» (Валентин Парнах. Jazz-band II) завоорожили поклонников новой музыки. Так империализм повернулся другой стороной: сначала европейцы несли «бремя белых» за море, потом Европу настигла волна культурной экспансии из покоренных стран. То, что раньше с презрением называли «примитивным», стали с восторгом называть «примитивом». Темное тело изогнуто на коричнево-красном фоне, ноги отплясывают, руки тоже — это «Обнаженная негритянка» (1911) Гончаровой. Русские художники не хотели отстать от Европы в своем увлечении новыми формами. Но они нашли другие источники вдохновения. Вместо далеких южных божков и джазовых красавиц — родные скифские бабы с земель древней Гилеи (какую взяла за образец Гончарова в картине «Божество плодородия», 1909 — 1910). И результат выглядел иначе: не французский «кубизм», а русское «всечество».

Кубизм вообще зацепил их лишь по касательной. Так же, как и футуризм. Их живописный лексикон гораздо больше получил от искусства городских подворотен. Народная икона, лубок, вывески, рисунки на заборах — все грани живописного просторечия использовали Гончарова и Ларионов. «Народное» и «детское» смешались в одном понятии — «примитив». Они открыли для себя новое в том, что лежало рядом и не было востребовано «высокой» культурой. Ларионов был одним из организаторов Первой выставки лубков в 1913 году.

«Я люблю смотреть, как умирают дети», — писал знаменитый московский бунтарь. «Мне нравится беременный мужчина...» — восклицал другой апостол русского авангарда. Итальянский футурист рисовал «Бал педерастов». Гончарову и Ларионову то и дело обвиняли в «порнографии». Эпатаж был формой существования искусства в эпоху авангарда. То, что делала Гончарова и Ларионов, казалось даже кощунственным. Религиозные композиции Гончаровой — в центре внимания в Третьяковской галерее. Среди них — именно те, которые были арестованы полицией на ее выставке в Петербурге в 1914 году. Сегодня уже сложно оценить степень смелости художницы, которая решилась тогда неортодоксально представить «Троицу» или «Богоматерь с предстоящими». Сегодня эти композиции, наоборот, выглядят как обращение Гончаровой к корням русского искусства. В религиозных картинах Гончаровой видно влияние византийской иконы и рельефов Дмитровского собора во Владимире, народной украинской иконы и печатного лубка.

Михаил Ларионов на деньги Давида Бурлюка организовал первую в Москве авангардную выставку «Венок Стефанос» в 1908 году (кстати, происходила она почти напротив того здания, где расположена ныне редакция «НГ»). «Начали продавать картины (первым продал М.Ф. Ларионов за 350 рублей Морозову «Яблони»), — вспоминал Давид Бурлюк. В 1913 году Михаил Ларионов вместе с молодыми последователями совершил «убийство лица»: первый бои-арт перформанс на улице. Для авангардистов было важно быть везде первыми: и выставляться, и продаваться, и выходить в город с раскрашенными физиономиями. Но в конце века все яснее становится значение его подруги, Наталии Гончаровой. И эта выставка, несомненно, один из больших шагов к тому, чтобы достойно представить ее творчество. И все более явно их художественное родство. Из детства — вот откуда вырос московский авангард. Михаил Ларионов и Наталия Гончарова прожили вместе около шестидесяти лет и умерли с разницей в полтора года (в 1962-м ушла из жизни она, а в 1964-м он последовал за ней).